

A black and white photograph of a room. A window on the left shows a dark interior. Large, dark shadows from an unseen object cast across the light-colored wall and ceiling. The overall mood is somber and contemplative.

тонкие линии

Хорошо,
что я
в море
погиб

Дмитрий Аверьянов

– тонкие линии –
выпуск девятый

Дмитрий Аверьянов

Хорошо, что я в море погиб

Дніпро
Герда | 2021

УДК 82-1
А19

Дмитрий Аверьянов родился в 1984 году.
Публиковался в журналах «Воздух»,
«©П», в интернет-издании «TextOnly»,
на сайте «Полутона».
Книга стихотворений в проекте «Лоция»
(Киев, 2016). Редактор литературного
портала «Litcentr».

Когда Мартин разделся и пошел купаться голый, как светлый ангел, я повернул голову и увидел, как оказалось, светлячка. Он сидел на камне и открывал мне двустворчатые двери в свое многоликое сознание, переполненное сорняками, оксидом бериллия, девушками с люминесцентными пальчиками на ногах, проекциями осьминогов на белый лист и другой предновогодней мишурой. Ребята пошутили надо мной, сказав, что это дорогой телефон с хорошей зарядкой, потому он светится так беспечно и дорого в камнях на пляже. Поэтому я заинтересовался находкой, поднял его, посадил на руку, но он не стал гореть слабее, а даже наоборот – посветлел. В нем зажглись, как оказалось, равнодушие и ненависть ко всему живому в эту теплую южную ночь.

Камчатский краб ест морскую капусту, на него приземляются параллелограммы покинутых раковин в ожидании, пока морские коньки покроют океанское дно поцелуями из длинных носиков. Их ботинки застегнуты на перламутровые пуговицы, у одного записка на просоленном пергаменте: «Похороните меня под мидиями и морскими звездами рано утром, когда мелодическая чекушка Софокла начнет переливаться печальным светом высокого голубого здания». Крабы оставляют в своих домах желеобразный свет и открытые книги, они покидают плотину и прячутся в искусственных шалашах на скалистом берегу. А вот и последний краб выходит из опустевшего океана. Какие у него тонкие руки. Как он умудряется жить с такими худыми руками, как у меня.

Грот распития спиртных напитков. Мы встретимся там под скалами: пресная вода, ограниченное пространство, тишина, прохладная вода. Грот высказывания, олицетворения окаменевшего облагораживания потемнений одухотворенной ответственности, сладости и упоения, проскальзывания в щели повторений под скалами из простых каменных глыб. Крабы не кусают нас за ноги, они дают нам десять минут, чтобы побыть вдвоем. Надо спешить. А потом они нападают.

Морская блоха gammarus roeseli знала, что нужно делать. Она спряталась в вещах ныряльщика, и он унес ее домой. А когда он начал засыпать, она прыгнула ему на лицо. Рука автоматически прихлопнула блоху. Во мхах, на камнях плодятся новые блохи. Они знают, что нужно делать. Придется сделать много попыток, чтобы подводные охотники разбили лица в кровь своими жирными руками, распухающими от витаминов и рыбьего жира. Сейчас они уже крепко спят, и нельзя видеть, как белки их глаз зеленовато светятся от перенасыщения фосфором.

На подводной лодке начинается бунт. В тамбуре дерутся матрос и старик, у последнего в руках ракетница с зеленой ракетой. «Сейчас я покажу тебе моченых человечков, райских яблочек!» Наводит пушку, слышится серия выстрелов. Матрос бежит по коридорам, его тельняшка покрыта зелеными пятнами, он кричит: «Уберите от меня этого идиота!» Выбегает на верхнюю палубу – но дедушка настигает. Зеленое пятно накрывает лицо матроса, он падает за борт. Разноцветные корнероты достают супницу и глубокие тарелки. Дедушка прячет ракетницу в ножны и смотрит вдаль, его волосы красиво развеваются в лучах соленого ветра.

В процессе поворота чертового колеса Александр К. сменил энергетический уровень и стал 4рб 4d10. «Саша, мы слишком долго в одной точке». – «Ничего, время ненадолго остановилось, это же Харьков». Сними свой женский шарф, покажи свою шею, сладкую, как кровяная колбаса. Это действие, но есть и пейзаж. В парке Белочки (бывший парк Горького) билетерша аттракциона Ромашка утверждает, что пятнадцать лет работает со сверхъестественным. В воздухе запах мазута и масляных красок. Механик выпивает с художником. Полицейский говорит главное слово своей девушке: «Надень куртку, здесь холодно». – «Накинь мне на плечи, у меня же руки в наручниках». – «Отвезу тебя домой на бобике и не ударю палкой, у нас будут дети дежурные по части». Падает одна из настоящих звезд, на божьей коровке появляется красный кружок.

На почте занял очередь за бабушкой, и она рассказала мне про калифорнийскую карту тайных входов в эстонское пирожное, которое венчается ласкающей кремовой розочкой, расцветающей в месте обитания флорентийской зонтичной цапли, напевающей песню чирика в момент созревания щитовидной железы в шахте Сильвиуса. Его мягкие глаза цвета обезжиренной нефти мерцают на площади. Из фонтана сочится изумрудная водка, орошая прибрежные моря и поля, где растет барбарис с гранатовым отблеском на конце глянцевых стеблей, с эллиптическими семядолями, колючезубчатыми прилистниками, обратнойцевидными нектарниками, с одногнездной завязью и редкими семяпочками, сизовато-зелеными снизу, как родинки Кьеркегора. Это конец лета, я возвращаюсь домой, погруженный в себя. Только что заплатил за квартиру, а ощущение что должен еще больше.

Травяной краб *carcinus maenas* прячется в траве. Конечно, это не лучший вариант. Если бы он прятался в каменной щели, то оттуда смог бы прокусить тебе перчатку или оторвать палец. По крайней мере, белковый морепродукт дал бы достойный бой. Но так делает другой, каменный краб. А травяной краб прячется в траве. А где спрячетесь вы? Задумайтесь, что скажет ему лидер повстанческой армии, когда в зеленой мантии травяной краб выйдет к своим войскам и покажет двумя руками знак «Виктория», победа. И покажет варенье садового сбора, красивые перламутровые ожерелья, и пряные пипаркооки в форме избушек и груш, светящиеся лианы из Массандры, кипарисовый нож (плюс три к атаке, но минус два к защите), и гавань со спокойными ставридами, принадлежащими к расе наивысших рассеивателей, купель робота Валторна, миротворческий постулат Бора, и гром в Симферополе, освещающий пустые улицы и последнюю, казалось бы, достопримечательность, бесплатный туалет на вокзале, но свет этот быстро

гаснет, и в такую ночь, в такую чудную погоду дружелюбные загорелые крымчане находят в переулках с измененными названиями свою нежную, как мед цветков ленкоранской акации, единственную и дорогую, воздушную, вяжущую, как хурма, пахнущую можжевельником, инжиром и, конечно, скрипучими желтыми Икарсами, застревающими на горбатом мосту в Севастополе, теплую субтропическую смерть.

Никто не предупредил об опасности, даже девушки улыбались мне как-то недобро, как беременные. На этой печальной ноте мы стали углублять ямы, которые были слева и сверху. Вдруг послышался крик. Работница уронила кайло, оно упало на клатч, раздался характерный хруст костей. Признаки выдали жука сорок три. Вспыхнули огоньки сирены. Бежать было некуда: все стороны были закрыты бельем на веревках, по полу были разбросаны сабли и зеленые кубики. Только в дырке пододеяльника пламенело голубое море. Все кинулись туда, чтобы спрыгнуть со скалы, как свиньи, и я тоже побежал за всеми и потом, дождавшись очереди, шагнул в пропасть, но не как анорексичный ублюдок, а как нежный, розовый поросенок.

Уничтожал жирные пунцовые бутоны на обоях с большим удовольствием. Гипсокартонные стены падали медленно, как в кино. Доски пола расползались медленно, хорошо. Осталось разобраться с коробками межкомнатных дверей. Лом лапчатый легко выворачивал их с характерным звуком удовлетворения. Потом я пошел в ванную, облепленную склизким кафелем, и представил, что борюсь с обледенением судна. Мерзкие, скользкие плитки падали, оставляя стены приятными и рыхлыми. Расправившись со льдом, я бездумно выдрал полотенцесушитель, это был, так сказать, бонус. Далее пришел бригадир и отсчитал деньги за демонтаж. Он сказал: «Уважаю людей, которые делают свою работу с любовью». Я не стал переодеваться, выпил спирта, пошел домой. Лицо мое было грязное, одежда угловато свисала, я слушал doom/death и чувствовал, как приятно светится в руке недорогая сигаретка. И помню, как сквозь улыбку, одними губами, чтобы не слышали прохожие, я повторил: «С любовью».

Камбалы бывают левые и правые в зависимости от того, на каком они лежат боку. Правые слишком жирные, а вот левые очень вкусные. Я обращаюсь к одной из них, которую купил сегодня. Здравствуй, милая, знаю, что ты рождаешься обычной рыбкой, но потом ложишься на левый бок и долго остаешься на дне, смотря левым глазом в песок. Это довольно глупо, поэтому глаз со временем переползает вверх. Ты прячешься в песке, с моим зрением минус два найти тебя не так просто. Хорошо, что маска увеличивает немного. А когда натыкаешь тебя на острогу, ты продолжаешь сопротивляться. Борьба твоя продолжается всегда, даже теперь, когда ты мертвая и повесная и твой труп лежит на столе, ведь в белом нежном слабосоленном мясе находятся, притворяясь мертвыми, едва различимые спиральки анизакид. Но я не замечаю их, ведь ем тебя с закрытыми глазами. Это морские черви, которые вытянут последние жиринки из моего щедушного тела и поплывут по Черному морю в поисках новых человекообразных обезьян,

чтобы свернуться уютно в конце утомительного странствия белым колечком в их теплом мясе.

Черноморский дельфин плавал. Он выпускал струю и гонялся за кораблями; ничего особенного, обычное времяпровождение разумного существа. Еще он любил играть с людьми, которые заплывали подальше. Все они думали, что он акула, и тонули. Никто не хотел с ним играть, как они умеют в дельфинариях. Он очень хотел, но все они тонули. Вдыхали воду вместо воздуха. Глупые, делали все неправильно. Они задыхались, захлебывались; неясно, то ли от любви к нему, то ли от презрения к скользкой жирной рыбине, сеющей смерть. А когда они коченели и плавали на поверхности, он толкал их в сторону берега своим прохладным длинным клювом. Может, кто-то сможет помочь им; может, нужны еще кому-то на белом свете такие вспухшие, неуклюжие тела.

Медуза ест пористыми ногами и перемещается путем сокращения головы. Она бывает синяя и розовая и всегда спешит, но если проследить за ней, она движется в самом бесполезном для нее направлении, где ее разобьет волнами о камни или раздавит лодкой о причал. Но если ребенок пойдет купаться, она обожжет ему лицо, чтобы он закричал как резаный и заплакал, хоть раз в жизни действительно по делу.

Выключили свет, и на поверхности я обнаружил прекрасные реснички. В основании базальное тельце. Исполненные любви мембранные цистерны. Нежное прикосновение парасомального мешочка. Трихоциты удлиняются, наконечники выстреливают, затрудняя движение. Вакуоль набухает. Резервуар открывается наружу поро́й. Сеть тонких трубочек. Полиплоидный макронуклеус бобовидной формы неотразим. Твой вкус знаком: более трех процентов золы. Чаруя своими ресничками, ты двигаешься тупым концом вперед, пока мы не склеимся ротовыми сторонами, образуя цитоплазматический мостик. Мы будем делиться мейозом, пока принцип Ле Шателье действует в нашей системе и бесконечный осмос наполняет наши тела драгоценной влагой.

Волны пенятся и достают до ног. Мурексин парализует расслабленные ступни. Прикосновения твоих чудесных губ. Пурпур окрашивает колени в приятный прозрачный цвет. Лепестки цветов, ячейки ананаса, шум моря. Числа Люка, период Пизано. Ниже, повторяй. Треугольник Паскаля. Твоя красивая рука гладит меня. Двойные связи, сульфоновые кислоты, простые эфиры. Спастические судороги. Шейка канала, валиковидные ребрышки. Гребень Венеры глубоко в твоих распущенных волосах. Ты дышишь свободно, достигнув высочайшей точки. Твоя грудь наполняется воздухом Соломоновых островов. Я продолжаю гладить тебя, и ты ощущаешь, как ослабевает напряжение пурпуровой железы. Морская пена настолько теплая, что, усыпляя нас, увлакивает в субтропические моря бесстыдные остатки нашей взрослой игры.

В июне из куколочной колыбельки тянет на ильм. Веретенообразные клетки, компактно-шаровидная вершина, кружевные листья. Они зовут меня, повторяя: «*Melolontha, melolontha*», – и не могу устоять перед их великолепной вязью. В то же время где-то далеко другой жук, *cosmopolites sordidus*, прогрызает туннель в банане, не обращая внимания на то, что влагалища листьев, охватывая друг друга, образуют ложный стебель. У вяза стоят бледные поганки, окружая плодовое тело молодого гриба своим бесстыдным покрывалом. Саша уже нашла мотылька с сердечками на серых крылышках, и сегодня она получит определитель Некрутенко, а также информацию о майском и банановом жуках, о вязе и грибах, которые объединены нерациональным желанием к движению, принимая любовь как естественный подарок. Они продолжают свой путь в неизведанное, ведь так непросто угадать, что встретится на пути под корнями вяза, в мякоти банана, в земляной колыбельке, в определителе, в полете над лиственным лесом.

Осенью по саду шел Со. Яблочные плоды, семена, деревья, желтые, синие, красные, голубые, босоножки Белоснежки. Следы на грязи, грибы под листьями, черные мусорные пакеты, пластиковая пол-литровая бутылка, фольга от шоколадки, обгоревшая спичка. Со ненадолго отправится домой, на Филиппины, а потом продолжит партию по интернету под впечатлением того, как падает красиво на шахматную доску красный небольшой осенний лист. Все знают, он стал бы первым, если б не курил, но зачем ему игра без пушкинской красоты Марин Парка, без бриза, качающего слона и коня, без ежедневных полетов домой, на острова, сквозь травянистые стены расширенного сознания.

Что может показать нам море? Скопление девушек, золотую цепочку Маркаряна, жаберные тычинки и свой любимый угольный мешок. Здесь так красиво: межжилковая мозаика, линолевая кислота. Это прозрачная поверхность под ногами, а ниже плавают вкусные крылоногие моллюски и первый объект Месье в отражении. А вот и моя любимая трехиглая колюшка и игривые океанодромы. Но счастье это скоротечно, недолго так тебе любоваться: раз, и лопнет пузырь звездного ветра, зародышевая почечка упадет тупым носиком на резиновые шлюпки и великая стена Слоуна споет своим длинным носом грустную польку, которая закончится бессмертными словами Ф. Цвикки о коричневых карликах и утомленном свете.

Я приехал сюда не дома сидеть: я сгорю в первый же день. Меня будет тошнить, высокая температура. Я наглотался морской мочи. Ноги, плечи болят, средства совершенно бесполезны, это быстро понимаешь. Можно попробовать водку и кефир, они не помогают. Красная кожа поболит, а потом облезет лохмотьями и станет видно светлые пятна. Боже, как это красиво и очень полезно. И хоть мне больно, завтра я снова пойду на море. И если бы цвет моих глаз мог потемнеть и стать карим, я бы смотрел на солнце, пока зубы и глазные белки не стали бы выделяться с максимальной интенсивностью на моем помрачневшем лице.

Оказаться в пузырьковой камере среди Z-бозонов, где пьют не заряженный лептон первого поколения, а принцессу Гиту полтора кораблика на кружку и работает обратная иерархия масс. Налицо спонтанное нарушение симметрии. По концепции стохастического охлаждения ты очутишься в северном регионе и увидишь, всех охватывает растление. Так начнется твой неминуемый распад. От прежнего очарования не остается и следа. Вся прелесть перебьется зловонным ароматом кварков, явится истинность, и приснится одиночество. А может, случится странность и попадешь на свободу, но и там работает закон всеобщего разбегания, красное смещение, космическая инфляция.

Люблю смотреть на вас из толстой бабки, продающей подснежники. Меня интересуют парни, которые покупают белые букетики. Приятно представлять, как они дарят их своим возлюбленным со вспыхивающими на морозе щеками. Вот и активисты, они конфискуют товар и выбивают стул. Судя по возгласам, очень весело катится с горки мое безобразное тело. Я встаю и, задыхаясь, волочусь на своих обрубках в безлюдные места, чтобы снова нарвать белых цветков, а потом отнести их подземный переход и продолжить копить на таблетки. Я смотрю вокруг из жирной бабки: идет совсем не холодный, даст бог последний, мартовский снег.

Он наступает на мягкий мох, и из его копыт вылетают желтые треугольники, которые совместно с зеленью мха составляют приятный спектр. Оставленные им в травянистой почве впадины заполняются с течением времени богомолами и птичьим молоком. Если бы в одной из таких лужиц он нашел протеиновый коктейль, он втянул бы его гибким носом до последней мутной капли, чтобы получить порцию белка, который можно расщепить в желудочном тракте на аминокислоты для создания крепкой шкуры и ножек. Но таких луж в лесу нет, он же лесной слон. К его ноге прилип голубой овал, это ничего, мелочь в его быту. Маленькие дверки открываются по всей поверхности слона: каждый может войти и посмотреть, как он построил такое тело без спортивного питания и гармошки, кушая только подземные овощи и кокосовую листву. Вот и все, он побыл с нами, сколько мог, а теперь ему пора. *Cyclotis* разворачивается и уходит в джунгли, деревья смыкаются за ним, следы затягиваются, молоко испаряется. Сумерки наступают внезапно, медленно остывают наши чувства.

Сегодня ночью произошел странный случай: остановился уличный соловей. По его модели сделана автомобильная сигнализация и Shang Tsung из Mortal Kombat. Он питается пауками, ягодами, червями. Глаза черные, рыжий хвост. Что могло потревожить его? Спутниковое ТВ, мобильная связь, естественная небольшая радиация, рентген лучи из 2-й поликлиники, даже соседский wi-fi не могли достать его на ветках. И раз Iuscipia недоступен, то почему остановилось это красивое сильное животное? Хотя если подумать, я и сам не хотел бы, чтобы однажды на улице в темноте раздался мой неприятный голос.

Ходит по Сарсоне геккон Данилевского: М-образные полосы, охряный хвост, килеватые бугорки. А еще бывает лук килеватый: бумагообразные оболочки, пучковато-шаровидный зонтик, пурпурные нити, светло-фиолетовые пыльники и желтая пыльца, вспоминайте. Он ходит в Херсонесе, не трогайте его. Гуляйте, не уничтожая животных. А если задержитесь дольше восьми, то будьте готовы к тому, что полицейские с собаками побегут за вами и не удастся скрыться из-за высокой травы и колючих камней. Собака укусит вас за двуглавую мышцу бедра, и долго потом будет заживать рана. Чем они их кормят? Такое впечатление, что они дают им какую-то гадость прямо перед выходом. Так что если будете гулять допоздна, представляя себя генуэзцем или эллином в древнегреческих базиликах и на сарсонских башнях, помните, что в конце вас все равно укусят собаки своими отравленными ртами. Я не настаиваю, конечно, но если вдруг окажется, что это правда и им действительно дают пожевать какой-нибудь ядовитый жмых перед охотой на влюбленных, я несколько не удивлюсь.

Нужно было сократить, и я пошел через морковное поле. Каждый раз забываю, что делать этого нельзя, но было уже поздно. Все как по расписанию: моросящий дождь и нулевая видимость. Грязь налипала на сапоги и в итоге стянула их, поглотив. Они ушли под землю, только пузырь надулся на этом месте и лопнул. По голеням хлестали мокрые верхушки морковок. Да, почему-то на мне не было штанов, и ливень был настолько сильный, что я не мог понять, открыты или закрыты у меня глаза. Когда я вот так иду и мучаюсь во сне, они подкладывают мне под ноги морковь, и кошмар мой усиливается.

На Южном Берегу хорошо, но можно встретить тис ягодный. Не пытайтесь употребить его шишкягоды в пищу. Не кладите в рот мясистый малиновый валик, сладкий семязачаток, окруженный кровелькой. Не смотрите, как аппетитно поглощают их птицы; им все равно, а у вас судороги, нарушение сердечной деятельности. Ведь про это рассказывал Плиний. Лучше не пить из деревянных чашек, но опилки можно принимать при укусах бешеных собак, поможет. Мы делали из тиса английские длинные луки в далекие времена Столетней войны. А вот Авиценна говорил, что при коклюше самое то. Сенека тот вообще называет *taxus* деревом смерти, а Бодлер писал, что его цветы растут именно здесь и совы нередко размышляют об этом. Пилат провел свои детские годы под одним из таких в Шотландии. Так что, дорогие туристы, обходите тис стороной, глотайте свой мусор. Объявление в маршрутке.

Черная речка берет свое начало где-то в Байдарах недалеко от Черной пещеры, а потом впадает в Черное море в районе Инкермана, где сильно пахнет мазутом по утрам. Вот туда мы и пошли, как говорится, в поход. Напрасно я решил помыть руки ночью, так как они стали в один момент черные. Как же я буду ловить такими жаб и щучек, рвать грибы или трогать крокус, если он встретится на пути? Такими руками можно разве что закрыть лицо и горько сожалеть о бесцельно прожитых днях. И все равно, что оно станет черным и некрасивым, ведь загар настолько сейчас популярен, что, когда я вернусь к догорающему костру, никто не заметит перемены в моем лице.

Он выходит на поверхность ночью, когда нет людей. Его зовут eisenia andrei. У него толстая кожа, потому что он мальчик. У него изящный поясок, потому что он девочка. Ходит там, где земля теплая и влажная. Осьминог, слепая старуха, заклинатель воды ничего не говорили про него, так и он равнодушен к ним ввиду отсутствия ножек, зрения, телевизора. Зяблевая вспашка, лунки для рассады. Отношение углерода к азоту: в свежескошенной траве 15, в сухих опавших листьях 50. Конопляная костра, стебли подсолнечника, кукурузные кочерыжки, непригодные корма, огородная ботва, огрызки яблок, отходы кожевенных заводов – все это ему придется попробовать сегодня. А чем питаетесь вы? Мы сжимаемся, как ежики, на полках 49 и 50, а где-то глубоко под нами идет andrei. Он глотает горькую землю и терпит горюшко. Кто он для нас? Хозяин terra preta, изготовитель компоста, а кто мы для него? Пустые места. Даже если повезет и мы попадемся у него на пути, он быстро забудет наш вкус. Так и на земле: скоро забудутся наши дела.

В детстве мы любили мидии, мы рвали их на пирсе, а потом жарили. Они отдавали мазутом, но в целом были очень вкусные. Иногда попадался песок, его собирали в баночку и мечтали, что, когда наберем полную, продадим и станем богатыми. Когда я показывал гостям свою баночку, обычно все меня хвалили. Но нашелся умник, который сказал, что это китайская беззубка *sinanodonta woodiana* и что жемчуг у нее недрагоценный. Я очень расстроился: не может быть, как это, вот они, мои руки, посмотрите, с детства остались следы от ее зубов.

В долину привидений приходит лядвенец рогатый за малыми ребятами. Боб линейный, голый. Носик мотыльковый, оранжевый. Створки закручиваются спирально. Рыхлые зонтики и небольшая черточка под цифрой числа плодолистиков. Он не страшный, он добрый очень. У Даля он леденец, перелет. А у нас попроще: лапчатый горошек, заячья трава, воробьиные стручки. А по науке – пустошь, покинутая земля. Пишите и вы: урочище Демерджи, село Лучистое. На реликтовый лес, на каменный хаос нанесена формула цветка.

Раньше у меня жили мушки, у них был неспешный полет и красивые крылышки, но они исчезли. Теперь у меня есть хлебные жучки *stegobium paniceum*, они точат хлебушек и терпят горюшко. Каким-то образом сразу догадываешься, что они хорошие. Не знаю, что влияет на это, возможно их неспешный ход или закругленные формы. Я стараюсь незаметно помочь им: подкладываю свежий хлеб и закрываю хлебницу, чтобы не мешал свет. А под новый год, когда температура в квартире падает ниже 15, жучкам становится холодно, но я верю, что тогда опускаются на них, как маленькие верблюжки одеяльца, мои ласковые слова.

У охранника детского сада много дел: нужно проверить, в порядке ли паровоз, а также ракета 1 и ракета 2 с двумя иллюминаторами. Вечером он гоняет ребят с крыши, чтобы они не рвали черешню, а ночью с веранд, чтобы они не кололись. Он говорит: «Да мне и не жалко, но нельзя», а они отвечают: «Да мы и сами не особо хотим, но нужно». Сутки сторож работает. Воспитательница успокаивает детей на веранде, она говорит: «Ведите себя хорошо», а он добавляет про себя: «И тогда дядя сторож будет разрешать вам накуриваться здесь, на веранде, на фоне гигантских белок и зайцев и жирного ежа, и не прогонит вас, и не вызовет милицию». Ах да, уже полицию. Сегодня он ходил с деловитым видом и зорко смотрел вокруг и видел девочку и мальчика, который рисует на песке крестик и говорит: «Это непрерывный образ интервала, понимаешь?» Сегодня Павел Андреевич, а может быть уже Юрий Иванович (они часто меняются), хорошо отработал смену, сохранил имущество организации, а также оставил запись в валяющейся без дела учетной книге,

что здесь, в песочнице номер 2 зеленого цвета, между теремком и светофором, теорема Мазуркевича стала наглядной иллюстрацией танца любви.

Мальчик, у которого нет компьютера, стал появляться все реже. Он выходит по выходным, а иногда и в будние дни на полчаса и ходит в своем дворике. Там разбитый асфальт, он смотрит вниз и видит мутные лужи и холодную грязь, везде холодная грязь. Вдоль проложены трубы с оборванной изоляцией, куски стекловаты болтаются от порывов ветра, и школьный металлический забор. Я прохожу здесь, между школой и домом, чтобы ощутить безысходность этого места, самого грязного, кажется, во всем микрорайоне. Мальчик гуляет здесь, потому что у него нет компьютера; все его сверстники сидят дома и не выходят, а он гуляет; его голова всегда опущена, он ежится и смотрит на грязь. Пасмурно, но он не идет домой, ведь он гуляет здесь, отдыхает от обязанностей и укоров. Что принесут с собой в будущее его одноклассники, которые видели компьютеры? Сложно сказать. А он принесет с собой знания о том, что такое настоящая грязь, холодная, и какой он, запах невыпадающего снега, и как хмурятся недовольные прохожие, и как нависают

прутья школьного забора, как колышется оторванная стекловата. Сегодня я видел этого мальчика, он уже вырос и гуляет все меньше. Он шел домой, приближался к своему подъезду. Может быть, я преувеличиваю и это были карие радужки, но мне показалось, что грязь отразилась напоследок в его умных глазах.

Первые числа ноября. Холодно. Новая спортивная площадка на пятом поле. Полная луна выглядит очень практично: хорошо все освещает. На перекладинах и брусках мерцают серые капли. Я уже снял куртку и положил ее на скамейку. Надеваю перчатки и делаю вращательные движения руками. Я уже готов, но меня охватывает знакомый стыд: вдруг кто-то увидит меня в этот момент, когда я нелепо дергаюсь здесь ночью под светом луны на этих великолепных турничках. И тут мне становится ясно, почему прохожие днем проходят мимо и боятся взглянуть на металлические конструкции на площадке. Один из них попробовал положить портфель, снять пальто и подпрыгнуть до перекладины, но с разочарованием понял, что силы с годами иссякли – а ведь так хотелось верить, что весь этот бессмысленный ежедневный труд делает нас хоть немного сильней. Но нет, лучше даже не подходить и не пробовать: стыдно болтаться здесь. Вот так они уходят на работу, проходят мимо, а слева от них остаются нетронутыми турнички. Но жизнь продолжается,

и я в очередной раз подпрыгиваю к мокрой
перекладине, чтобы впитать своими тряпичными
строительными перчатками пухлые капли
бесподобной небесной воды.

Он ехал в ресторан Шайба делать демонтаж потолка. В Ялте шел снег, он падал беззвучно большими хлопьями. Люди гуляли по набережной и смотрели на море и горы, ничто не предвещало беды. Крупные хлопья снега падали на перила и на раскрывшиеся зонты. На месте оказалось, что под потолочным перекрытием лежит минеральная вата, но отказываться было поздно. Это не сахарная вата, которую можно купить по пути на пляж, это не минеральная вода, которую можно достать там же. Это минеральная вата, от которой страшно чешется тело строителя. Она не имеет никакого отношения к целебным источникам и медицинским повязкам, она сама по себе: вертикально-слоистая, пространственная, вторая группа канцерогенной опасности. Метель закончилась, и гуляющие оставили на зонтиках снег, чтобы быть похожими на пальмы. Снегопад прекратился в Ялте, но она, вата, не могла остановиться, она неумолимо осыпалась: за шиворот, на запястья, на золотистые волосы, в красивые серые глаза.

Есть место, где живут только большие собаки. Там безлюдно, и непонятно, кто их раскормил до таких лошадиных размеров. Никто не видел здесь щенков или небольших собак. Я слышал версии о биотоках в головной коре, о магнитных аномалиях, об обратной стороне луны, о силе Кориолиса, об институте ритмологии, об эффекте Манделы, о специфике химического состава почвы, о содержании натрия в воздухе; а также редкие растения, лучи от близлежащих телевышек, гормональный фон, релейная радиосвязь, прецессия гироскопа, остановившийся маятник Фуко в Исаакии, гравитационные волны, потоки Риччи, схождение благодатного огня, эксперимент Кавендиша, снегурочка и что-нибудь еще на ваше усмотрение. Но вряд ли эти гипотезы помогут мне, ведь снова иду здесь и собаки уже близко. Они бегут ко мне, но я не могу распознать издали, что у них на уме. Они и сами не знают, наверное, что скажет им в последний момент их звериное существо: может, помотать хвостом и уткнуться носом в мои руки, а может, обгрызть мои и без того безобразно худые ноги.

Трехцветная кошка живет под моим окном. Она сладко спит на абрикосе, свернувшись в клубочек. Осенью у нее отрастает шикарный мех. И вот когда в ноябре листья наконец начинают осыпаться, желтые, красные, черные, кошка начинает с ними сливаться. Она умывается лапкой и смотрится очень гармонично в этих листьях. Понимаете, все как бы так, как и должно быть, все совпадает. Но в интернете пишут, что сейчас очень плохо, и хуже быть не может, и ничего не совпадает. Но если посмотреть в реальное окно через стекло и воздух, то можно увидеть кошку и листья и их гармонию. Хочется написать пост: посмотрите в мое окно, как совпадает кошка и листва, их расцветка. Но никто не может встать на мое место и не хочет. А момент этот быстро пройдет, и листва засохнет, и кошка уже не будет сочетаться с ней, и все станет именно так, как описывают в интернете. А сейчас они приумолкли на время, как будто специально, чтобы я потерял скорей свой единственный аргумент. А когда совсем похолодает, и листья почернеют, и пойдет первый снег, они напишут на своих страничках: и кошке нет места на этой грустной земле.

Я иду в супермаркет без особой цели и по дороге прохожу миндалевый лесок. Раньше деревьев было меньше и мы хорошо знали, какое из них дает сладкий миндаль. Теперь уже не помню какое. Тем более все эти новые молодые заросли. Теперь уже они растут не только слева, но и справа. Я знаю, что вы сейчас скажете: миндалины на шее и цианистый калий пахнет миндалем – вы умнички, но речь сейчас не об этом. Ощущение, что утратились какие-то очень важные знания, что-то вроде пирамид, ну вы поняли. Современных детей не интересует миндаль, горький и сладкий; деревья увешаны плодами, это вызывает какое-то чудовищное ощущение переизбытка и тщетности. Природа сильнее, чем раньше, и подорожник пробивает все новые сверхпрочные виды асфальта, но плоды ее никем не приняты. Я иду мимо зарослей и знаю: где-то там есть сладкий миндаль. Но мало кто теперь подозревает о таком чуде, и еще меньше людей хочет отведать этих блаженных зерен, хотя это очень полезно и, не сочтите за маркетинговый ход, бесплатно. А еще раньше мне нравились зеленые грецкие орехи, потому что руки от них потом черные и никак не отмоешь.

Вчера ночью пошел в круглосуточный магазин за лосьоном и у дверей встретил собаку. Она была белая с серыми пятнами лишая по всей шкуре. Она ждала меня у выхода, пока я был внутри. Я вышел и дал ей две сосиски «студенческие». Однако собака совсем не собиралась уходить. Она пошла следом, гавкая на прохожих, которые были тут же, на площади. Потом она заметила других собак и бросилась на них. Мне стало жутковато с таким спутником, и, когда она погналась за ежом, я стал убегать. Но не тут-то было: она догнала и напала на меня. Не знаю, почему она взбесилась. Может, это был последний крик отчаянья навстречу окружающей действительности. Может, эти две гадкие сосиски стали последними каплями в её собачьем терпении. А может, наоборот, она обрадовалась, что нашла хозяина, и замкнулись наконец концентрические кольца Рафаэля Лизенганга, и встало всё наконец на свои места.

У нас их называют охотники за приведениями. Они приходят неожиданно и могут поставить старый унитаз вместо нового, кран за полторы тысячи или нелегальный газовый счетчик, отпилить кусок батареи, взяв за это по цене новой, или снять твои хорошие водомеры, а поставить плохие свои. Или придут с двумя одинаковыми сумками: предложат вещи из первой, а подсунут вторую с хламом. Они же принимают в тоталитарные секты или продают кофемолку. Но это все суета, главное, говорят, у них есть коробочка, которая соединена с педалью проводом. Так вот, если нажать педаль, коробочка откроется и оттуда покажется красивейшее белое свечение. Поверить сложно, красивей, чем от задней противотуманки. Красивей, чем луч от фонарика, включенного в сильный туман. Возможно ли? И, наверное, все, что вокруг нас, продолжает держаться на своих китах, пока есть на свете такая красота.

Дмитрий Аверьянов

A19 Хорошо, что я в море погиб. – Дніпро: Герда, 2021. – 48 с.,
серія «Тонкие линии».

ISBN 978-617-7639-73-1

Проза на грани стиха, или стихотворения в прозе. Автор сообщает: эта книга писалась как книга. По счастливому совпадению и по воле редактора она содержит тексты, которые и должна содержать. Название и общее настроение искажены не были, авторское написание сохранено.

УДК 82-1

Літературно-художнє видання

Дмитро Авер'янов

ДОБРЕ, ЩО Я В МОРІ ЗАГИНУВ

(російською мовою)

Упорядник серії «Тонкі лінії» Станіслав Бельський

Фото на обкладинці Дмитра Бортниченка

Макет та верстка Misheal_D

Формат 60x90/16. Папір офсетний. Гарнітура MetaCyrRoman

Друк цифровий. Ум. друк. арк. 3,2. Тираж 150 прим.

Замовлення № 73/21

Видавництво «Герда» 49000, м. Дніпро, пр. Д. Яворницького, 60

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК №397 від 03.04.2001 р.
book-shop.in.ua

ISBN 978-617-7639-73-1

Поэтическая серия «Тонкие линии»

Сергей Синоптик

Нужное зачеркнуть / 2020

Максим Бородин

Осторожно стекло / 2020

Ольга Брагина

Речь похожа на карманный фонарик / 2020

Антон Полунин

Does Marsellus Wallace look like a bitch? / 2020

Евгений Пивень

Всегда хотел чтобы в конце огорода росло огромное дерево / 2020

Александра Мкртчян

Испанская партия / 2021

Даниїл Задорожний

Небезпечні форми близькості / опасные формы близости / 2021

Александра Шевченко

Зимующи / 2021

Дмитрий Аверьянов

Хорошо, что я в море погиб / 2021

ISBN 978-617-7639-73-1

9 786177 639731